

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК81'367.623

Е.А. Скоробогатова

ОНИМНЫЕ ПАРЫ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

О.О. СКОРОБОГАТОВА. ОНИМНІ ПАРИ В ЛІРИЦІ МАРИНИ ЦВЕТАЄВОЇ: ДО ПИТАННЯ ПРО ПОЕТИЧНУ ФІЛОЛОГІЮ.

У статті розглянуто функцію художнього розуміння фактів мови й художньої творчості як одну з найважливіших функцій використання оніма в поетичному тексті нового часу. Розглянуті стали онімні пари, що функціонують у поезії Цветаєвої, та мікрокомплекси поетонімів-антропонімів «Дон-Жуан – Кармен» і «Елена – Ахиллес». Теоретичним підґрунтям аналізу виступає теза щодо спроможності онімних комплексів-пар слугувати знаком вираження універсальних опозицій, у тому числі опозиції чоловічий / жіночий. Показано, що використання онімних гендерних блоків свідчить про глибоке осмислення автором фактів європейської культури. Художнє представлення традиційних і авторських поетичних смислів відбувається шляхом онімної вербалізації гендерних опозицій. Створення окказиональних гендерних онімних блоків, у яких використані прецедентні імена власні, є важливою рисою ідіостилу Цветаєвої. Розглянута гіпотеза Т.М. Цив'яна про міфологічне обґрунтування поєднання імен Олени й Ахілеса. Стверджується, що використаний Цветаєвою гендерний комплекс «Елена – Ахиллес» імплементує античну традицію. Лінгвістичний аналіз поезії дозволяє припустити, що поет актуалізує обидва значення назви циклу – субстантивату двоє: збірне і розділове. Окказиональні онімні пари, що створені Цветаєвою, відображають розуміння міфології, динаміки художнього процесу й свідчать про глибоку лінгвістичну інтуїцію поетеси.

Ключові слова: поетонім, онімна пара, універсальна опозиція, поетична філологія, співположення, атракція.

Е.А. СКОРОБОГАТОВА. ОНИМНЫЕ ПАРЫ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

В статье рассматривается функция художественного осмысления фактов языка и художественного творчества как одна из важнейших функций употребления онима в поэтическом тексте нового времени. Рассмотрены устойчивые онимные пары, функционирующие в поэзии Цветаевой, и микрокомплексы поетонимов-антропонимов «Дон-Жуан – Кармен» и «Елена – Ахиллес». Теоретической основой анализа является тезис о способности онимных комплекс-пар служить знаком выражения универсальных оппозиций, в том числе социальной оппозиции мужской / женский. Показано, что использование онимных гендерных блоков свидетельствует о глубоком осмыслении автором фактов европейской культуры. Художественное представление традиционных и авторских поэтических смыслов происходит путем онимной вербаллизации гендерных оппозиций. Создание окказиональных гендерных онимных блоков, в которых использованы прецедентные имена собственные, является отличительной чертой идиостиля Цветаевой. Рассмотрена гипотеза Т.В. Цивьяна о мифологической обоснованности соединения имен Елены и Ахиллеса. Утверждается, что использованный Цветаевой гендерный комплекс «Елена – Ахиллес» выявляет античную традицию. Лингвистический анализ стихотворения позволяет предположить, что поэт актуализирует оба значения названия цикла – субстантивату двоє: собирательное и разделительное. Окказиональные онимные пары, созданные Цветаевой, как бы неожиданны они ни были для читателя, отражают понимание мифологии, динамики художественного процесса и свидетельствуют о глубокой лингвистической интуиции поэта.

Ключевые слова: поетоним, онимная пара, гендерная пара, универсальная оппозиция, поэтическая филология, соположение, аттракция.

© Е.А. Скоробогатова, 2019

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2019.01.67.01>

O.O. SKOROBOGATOVA. ONYMIC PAIRS IN THE LYRICS OF MARINA TSVETAEVA: ON THE ISSUE OF POETIC PHILOLOGY.

The article deals with the function of artistic comprehension of facts of the language and artistic creativity as one of the most important functions of use of onym in the poetic text of the new time. The steady onymic pairs functioning in Tsvetaeva's poetry and the microcomplexes of poetonyms-anthroponyms "Don-Juan-Carmen" and "Elena-Achilles" have been considered. The theoretical basis for the analysis lies in the thesis on ability of onymic complexes-pairs to serve as a sign of expression of universal oppositions, including the male and female social one. It is shown that use of onymic gender blocks indicates to a profound comprehension of facts of the European culture by the author. Poetic presentation of traditional and author's poetic meanings occurs through verbalization of gender oppositions. Creation of occasional gender onymic blocks, where the precedent proper names are used, is a distinctive feature of Tsvetaeva's individual style. The hypothesis of T.V. Tsvivan about the mythological validity of connection between the names of Helen and Achilles has been examined. It is alleged that the "Helen - Achilles" gender complex used by Tsvetaeva reveals an ancient tradition. Linguistic analysis of the poem suggests that the poet actualizes both meanings of the cycle's name: substantive two: collective and separative. Occasional onymic pairs created by Tsvetaeva, no matter how unexpected they are for the reader, reflect understanding of mythology, dynamics of the artistic process and testify to the poet's deep linguistic intuition.

Keywords: poetonym, onymic pairs, gender pair, universal opposition, poetic philology, consensus, attraction.

Термин «поэтическая филология» (ПФ) принадлежит Я.И. Гину, который называл так «высказывания писателей о языке, литературе, фольклоре (в статьях, рецензиях, комментариях, манифестах, письмах и т.д. – вплоть до филологических пассажей в самих художественных текстах)» [3, с. 125], отмечая необходимость учитывать «художественную условность ПФ» [там же]. Отталкиваясь от этого определения и сосредоточившись на последнем тезисе, мы относим к поэтической филологии также способность художественными средствами выявлять и подчеркивать определенные лингвистические закономерности. Например, мы относим к опытам ПФ такие лирические фрагменты, как цветаевские строки *Так писем не ждут, / Так ждут – письма.* (М. Цветаева «Письмо»); *Не умереть хочу, а умирать.* (М. Цветаева «Пригвождена к позорному столбу...»), или фрагмент из «Поэмы без героя» Анны Ахматовой *Между помнить и вспомнить, други, / Расстояние как от Луги / До страны атласных баут.* (В первом случае подчеркнута способность единственного и множественного числа формировать оппозицию определенности / неопределенности, во втором и третьем использован смысловой потенциал категории вида.)

В поэзии конца XX – начала XXI в.в. примеры поэтической рефлексии, обращенной к языку и литературному процессу, стали более частотными, определенными, достаточно назвать цикл Бориса Херсонского «Личные местоимения»; иногда в лирике используется научная терминология, например, у Алексея Цветкова: *еще вчера понятие они / в их речи не имело референта / а нынче там разгул местоимений...* (А. Цветков «Черновик»). Еще чаще поэты описывают явления литературы, откликаются на произведения предшественников или современников, предугадывают и характеризуют развитие литературного процесса. Функция поэтического осмысления фактов языка и художественного творчества является, на наш взгляд, одной из важнейших функций употребления онима в стихотворном тексте нового времени.

Онимы как ключевые слова, лингвокультурные маркеры и интертекстуальные связи описаны в лингвопоэтике весьма подробно, охарактеризован особый лингвопоэтический статус поэтонима, достаточно назвать, например, работы Ю.А. Карпенко [5], В.М. Калинин [4] и других исследователей. Но изучение функционирования этих единиц в художественном тексте продолжает оставаться проблемой до конца не решенной. Современная лингвопоэтика рассматривает имена собственные, функционирующие в художественном тексте, поэтонимы, как доминантные средства «идейно-содержательной образности художественного произведения» [6, с. 335]. Одним из приоритетных направлений поэтонимологии Э.А. Кравченко называет «выявление онимных комплексов» [там же], разрабатывая теорию поэтонимосферы как сложной иерархической системы.

В рамках данной статьи мы рассмотрим устойчивые онимные пары, функционирующие в поэзии Цветаевой, и микрокомплексы поэтонимов-антропонимов «Дон-Жуан – Кармен» и «Елена – Ахиллес» как созданные автором гендерные онимные блоки. Считаем, что использо-

вание онимных гендерных блоков свидетельствует о глубоком осмыслении автором фактов европейской культуры, которое происходит путем вербализации и представления в тексте определенных поэтических смыслов.

Парные онимы как знаки-комплексы частично рассмотрены в работе [7, с. 268 – 275]. Они могут быть знаками греха и невинности (*Каин – Авель*), отца и сына (*Дедал и Икар, Авраам и Исаак*), истинного и ложного (*Ева – Лилит, Рахиль – Лия, белокурая Изольда – белорукая Изольда*), верха и низа (*Олимп – Аид*), своего и чужого и т.д. Подобные комплексные единицы служат не только маркерами отсылки к прецедентному тексту. Они приобрели определенное устойчивое значение, репродуцируемое в художественном и культурном дискурсе. Это значение четко осознается и автором, и читателем текста. Иногда в контексте подчеркивается, вербализуется, необходимый поэтический смысл, например:

*Обман сменяется обманом,
Рахилью – Лия.*
(М. Цветаева «А человек идет за плугом...»);

*Ты так же вуаль поправляешь в прихожей,
Как Анна над спящим Серезжей, – разлука!*
(М. Цветаева «Я вижу тебя черноокой, – разлука!»).

Одним из наиболее типичных значений, передаваемых парными антропонимами, является значение гендерной пары:

*Не велик – не беда,
Да не так уж мал я.
Как у суши – вода,
У Ивана – Марья.*
(Б. Чичибабин «Диалог о человеке»).

Чаще всего гендерная пара в поэтическом дискурсе передает дополнительное значение супругов или возлюбленных. *Адам и Ева, Ромео и Джульетта, Руслан и Людмила, Мастер и Маргарита, Тристан и Изольда, Орфей и Эвридика* и многие другие бинарные комплексы воспринимаются читателем как единый комплексный знак. Универсальная оппозиция мужское / женское находит в таких парах комплементарное представление. Каждая пара имеет дополнительный оттенок значения: верной любви, несчастной любви, ревности, невозможности соединения влюбленных, супружеской любви, любовного обмана и т.д.

Противопоставление мужской / женский В.Н. Топоров относит к оппозициям социальным, наряду с такими оппозициями, как старший / младший, свой / чужой, близкий / далекий, сакральное / мирское [10, с. 16]. Эти оппозиции относят к универсальным на том основании, что исследователи выделяют их в различных знаковых системах (языке, мифологии, фольклоре, этикете и т.д.) и считают «как бы заложенными в человеке», поскольку они «необходимы ему для адекватного, с его точки зрения, восприятия мира, осознания своего места в нем, т.е. для выработки модели мира [11, с. 69]. (Об отдельных случаях поэтического представления бинарных оппозиций в русской поэзии нового и новейшего времени см., например: [12, с. 140 – 143].)

В поэтическом дискурсе использование онимных пар для выражения оппозиции мужское / женское является традиционным, например:

*...Мама родная!
Родимые Гензель и Гретель! – ...*
(И. Знаменская «Детские страхи»)

Среди них также регулярно встречаются устойчивые культурно значимые гендерные пары, называющие возлюбленных:

*Не добр и не зол ты,
Упрямый Тристан,
Не встретил Изольды,
И зорю проспал.*
(Б. Чичибабин «Вместо венка»);

*абеляр элоизе вот что спешу напомнить
из пустого ковша порожнего не наполнить...*
(А. Цветков «абеляр элоизе вот что спешу напомнить...»).

Не редки они и в лирике Марины Цветаевой:

*Кавалер де Гриз! Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной, в себе не властной,
Сладострасной своей **Манон**.*

(М. Цветаева «Кавалер де Гриз! Напрасно...»).

Данные пары описывают разные любовные ситуации, их объединяет общая знаковая универсалия и мотив любви.

Поэт подчеркивает бинарность подобных знаков-комплексов, их смысловое единство, комплементарность, способность передавать необходимый поэтический смысл, например:

*Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука*

*Монашеская – холодная до жара! –
Рука – о **Элоиза!** – **Абеляра!***

(М. Цветаева «Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя...»).

Некоторые онимные комплексы в лирике Цветаевой повторяются, это, например, комплексы *Федра – Ипполит*, *Дмитрий (Димитрий) – Марина*.

***Димитрий! Марина!** В мире
Согласнее нету ваших
Единой волной вскинутых,
единой судьбой смытых
Судеб! Имен!*

(М. Цветаева «Димитрий! Марина! В мире...»).

Логика парности и языковой симметрии позволяет поэту создать трансформированную онимную пару, в которой историческому *Лжедмитрию* сопутствует поэтическая *Лжемарина*:

*Проклята, треклята будь,
Ты – **Лжедмитрию** смогшая быть **Лжемариной!***

(М. Цветаева. «Трем самозванцам жена...»).

Словообразовательная аттракция (о роли грамматической аттракции в актуализации единиц в поэтическом тексте см.: [7, с. 327 – 342; 8, с. 8 – 9]) подчеркивает значение словообразующего префикса, который связан с темой стихотворения – темой любовного обмана и предательства.

В лирике Марины Цветаевой мы выделили несколько стихотворений, в которых гендерную пару составляют хорошо известные онимы, но это имена, относящиеся к разным художественным пространствам или существующие в одном пространстве, но не воспринимающиеся в традиционном культурном сознании как взаимодополняющая пара.

Рассмотрим цикл «Дон-Жуан».

В первом стихотворении цикла поэт связывает прецедентное имя с собственным пространством:

*На заре морозной
Под шестой березой,
За углом у церкви,
Ждите, **Дон-Жуан**.*

(М. Цветаева «На заре морозной... »),

Во втором создает пару **Я** (лирическая героиня) – **Дон-Жуан**:

*Вы пришли **ко мне**. Ваш список
Полон, **Дон-Жуан!***

(М. Цветаева «Долго не заре туманной...»).

А в третьем завершает лирический нарратив неожиданным, но поэтически очень значимым соположением:

*В этот самый час **Дон-Жуан Кастильский**
Повстречал – **Кармен**.*

(М. Цветаева «Дон-Жуан»).

(О роли соположений в поэтическом тексте см., например, [8, с. 6 – 7]).

Этот же авторский гендерный комплекс встречаем в следующем стихотворении:

*– Нравлюсь? – **Нет**.
– Узнаешь? – **Быть может**.*

– *Дон-Жуан* я

– А я – *Кармен*.

(М. Цветаева «Ровно – полночь...»).

Следующее стихотворение цикла начинается строфой, где рассматривается традиционная версия прецедентного сюжета:

И была у Дон-Жуана – шпага,

И была у Дон-Жуана – Донна Анна.

Вот и все, что люди мне сказали

О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

А заканчивается авторским утверждением:

И белел в тумане – посох странный...

– *Не было у Дон-Жуана – Донны Анны.*

(М. Цветаева «И была у Дон-Жуана – шпага...»).

В этом цикле поэт не только создает окказиональные пары (Я – Дон-Жуан, Дон-Жуан – Кармен), одна из которых использует оним из другого онимного пространства, другой онимосферы, но и разрушает, отрицает устойчивое гендерное любовное единство Дон-Жуан – Донна Анна.

Анализируя примеры поэтической филологии, обращенной к фактам языка, Я. И. Гин пишет: «ПФ ориентируется не только (а иногда – и не столько) на реальную поэтическую речь, но и на некую художественную норму, на потенциальное, на то, что может быть реализовано в будущем» [3, с. 126]. На наш взгляд, этот тезис можно распространить на авторские находки в области литературы, художественного дискурса. В рассматриваемом цикле поэт как бы предлагает читателю рассмотреть новый неожиданный сюжет. Что будет, если Дон-Жуан встретит Кармен? Как будут развиваться события? Ответ на этот вопрос читатель должен дать сам, но поэт намечает возможные пути развития сюжета.

Еще одна авторская гендерная пара Елена – Ахиллес.

Античная тема возникает в жизни и творчестве Цветаевой не раз. Создание музея отцом поэта, где были представлены образцы античного искусства, связано с ее детскими и юношескими воспоминаниями. Не случайно свою дочь-первенца Цветаева называет Ариадной. Увлеченность античной тематикой определила то, что на протяжении всего творческого пути поэт к этой тематике обращается. Достаточно вспомнить драму «Федра», в которой основной является определяющая античное мировоззрение тема рока, осмысленная поэтом и выраженная не только с помощью лексических средств, но и путем морфологического отбора (см. подробно, [7, с. 387 – 390]).

В 1923-1925 году поэт создает циклы «Федра», «Провода», «Ариадна», в основе образного строя которых лежит связь с греческой мифологией. Прецедентные онимы и онимные пары играют в образном строе стихотворений этого периода значительную роль. Например:

Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – весть.

(М. Цветаева «Провода», «Послание»);

Но был один — у Федры — Ипполит!

Плач Ариадны — об одном Тезее!

(М. Цветаева. «Провода», «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...»);

Не надо Орфею сходить к Эвридике

И братьям тревожить сестер.

(М. Цветаева. «Провода», «Эвридика – Орфею»).

В 1924 году рождается посвященный Борису Пастернаку цикл «Двое». Рассмотрим первое стихотворение этого цикла.

Есть рифмы в мире сём:

Разъединишь – и дрогнет.

Гомер, ты был слепцом.

Ночь – на буграх надбровных.

Ночь – твой рапсодов плащ,

Ночь – на очах – завесой.

Разъединил ли б зряц

Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.

Звук не найти созвучней.

Да, хаосу вразрез

Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,

Мстит (на согласьях строен!)

Неверностями жен

Мстит – и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:

Клад рассорил, как рухлядь.

Есть рифмы – в мире том

Подобренные. Рухнет

Сей – разведешь. Что нужд

В рифме? Елена, старься!

...Ахеи лучший муж!

Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес

Миртовых, сном кифары:

«Елена: Ахиллес:

Разрозненная пара».

Обратим внимание на название цикла. *Двое* – собирательное числительное. Современные лингвисты указывают на его способность обозначать количество как определенную совокупность, как целое (см., напр.: [9, с. 282]). Однако акад. Виноградов характеризовал слова этой группы как числительные собирательно-разделительные [2, с. 257], опираясь на мнение Миклошича, называющего этот разряд *distributiva*. В.В. Виноградов указывает, что в русском языке собирательное значение «возобладало над разделительным» [там же], и подчеркивает, что «собирательно-разделительные числительные гораздо «субстанциональнее», предметнее» количественных [там же]. Одной из особенностей идиостиля Цветаевой является регулярная актуализация внутренней формы слова, в том числе грамматической внутренней формы. Возможно, используя числительное *двое*, она опиралась именно на собирательно-разделительное значение этого слова. В стихотворении мы встречаем словоформы *разъединишь*, *разъединил* (*ли*) *б*, *разъединен*, *рассорил*, *разведешь*, *разрозненная*. Все они актуализируют разделительное значение титульного слова *Двое*.

Поэтической, высшей непреложностью поэт считает соединение имен *Ахиллес* и *Елена*, указывая на их созвучье в ином, высшем мире.

Интересно грамматическое и пунктуационное оформление парных имен. Во второй строфе Цветаева использует сочетание *Елена с Ахиллесом*, где совместность передается предположно-падежной формой творительного падежа. В следующей поэт разделяет имена точкой: *Елена. Ахиллес*. И хотя утверждает, что *Звук не найти созвучней* (обратим внимание на повтор корня *звук – звуч-*), они пунктуационно оформлены как отдельные синтаксические единицы. И наконец, в последней строфе между женским и мужским онимами поставлено двоеточие – *Елена: Ахиллес*. По мнению Елены Айзенштейн, здесь двоеточие служит знаком равенства между именами, уравнивает их [1].

Т.В. Цивьян в работе «В начале был пастух...» пишет о том, что «Ахилл, Парис и Елена объединены сюжетом всеобщей войны, задуманной богами, войны, где «не было ни победителей, ни побежденных» » [11, с. 48]. Исследователь описывает трагическую «неосуществленность» Ахилла, противопоставляя его «везению» Париса. В ее реконструкции Ахилл и Парис протагонисты, которые «оказываются едва ли не соперниками» [там же, с. 50]. Т.В. Цивьян исследует ряд общих черт, объединяющих этих персонажей.

Вот как описана посмертная жизнь Ахилла: «После гибели **Ахилла** Фетида переносит тело сына на Белый остров (Левка, в устье Дуная). Там он продолжает свою жизнь *post mortem*.

Его спутницей называют Медею, Ифигению, Поликсену – и **Елену**» [11, с. 52] (Выделено нами – Е.С.). Это свидетельство античных источников, которые исследует ученый.

Знала ли Цветаева об античном варианте сближения персонажей? Мы не можем ответить на этот вопрос.

Поэтическая необходимость в цветаевской трактовке сближения *Ахиллеса* и *Елены* заключена в созвучье имен, в гармоничности (*хаосу вразрез*) соединения *лучшего мужа* и *сладо-страснейшей* жены, в высшей предопределенности объединения имен и их носителей в гендерную пару. Онимный комплекс *Елена – Ахиллес* в этом стихотворении, на наш взгляд, выявляет глубокую античную традицию, почувствованную и описанную поэтом. Роковая разделенность персонажей также прочувствована поэтом, именно рок не дает соединиться Елене с Ахиллесом ни в жизни, ни в мифе (*Гомер слеп*), как не могут соединиться автор стихотворения и его адресат (образный параллелизм, характерный для фольклора, используется Цветаевой творчески). Лингвистический анализ стихотворения позволяет предположить, что поэт актуализирует оба значения названия цикла – субстантивата *двое*: и собирательное, и разделительное.

Окказиональные онимные пары, созданные Цветаевой, как бы неожиданны они ни были для читателя, отражают понимание мифологии, динамики художественного процесса и свидетельствуют о глубокой филологической интуиции поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенштейн Е.О. Сонаты без нот. Игры слов и смыслов в книге М. Цветаевой «После России». Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 80с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
3. Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. М.: Академический проект, 1996. 224 с.
4. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
5. Карпенко Ю.О. Літературна ономастика: Збірник статей. Одеса : Астропринт, 2008. 328 с.
6. Кравченко Э.А. Имя как элемент текста и поэтонимосферы: поэтика связей и отношений: монография. Винница: Дон НУ, ГЛОБУС-ПРЕС, 2015. 388 с.
7. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.
8. Скоробогатова Е.А. Поэтическая морфология как направление лингвопоэтики и лингвокреативная практика филологического эсперимента // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков, 2018. № 4 (66). С.3 – 10.
9. Тихонов А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-Трейд, 2002. 464 с.
10. Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
11. Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное в 2 кн. Книга вторая. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. 390 с.
12. Skorobogatova O., Buvalets O. Binary Opposition of Russian Language Poetry of XX-XXI Centuries (a Case Study of Hyphenated Substantival Binominals). Лінгвістичні студії: міжнародна збірка наук. праць. Випуск 33, Вінниця, ДонНУ, 2017. С. 140-143.

(Статья поступила в редакцию 14 марта 2019 г.)